



А. Н. АЛЕКСЕЕВ



**БЕРЕГОВАЯ
ЧЕРТА**



А. И. АЛЕКСЕЕВ

**БЕРЕГОВАЯ
ЧЕРТА**

**Магаданское
книжное
издательство
1987**

ОТ АВТОРА

Предпослав этой книге строки М. В. Ломоносова о множестве опасностей, существующих в море для кораблей, «великими трудами и многим иждивением» построенных, я хотел сказать, что множество «способов для отвращения оных» опасностей объединила в себе гидрография — наука, занимающаяся исследованием и описанием водных объектов Мирового океана и суши, их формы, размеров, характера берегов, глубины, рельефа и грунтов дна. Применительно к морю — это морская гидрография.

В связи с огромными успехами кораблевождения и судостроения из гидрографии выделилась специальная гидрография, тесно соприкасающаяся с картографией, геодезией, радиотехникой, радиолокацией, гидроакустикой, аэрофотосъемкой, космонавтикой, океанографией, океанологией и другими науками. Задачей специальной гидрографии является в целом обеспечение безопасности плавания на морях, озерах и реках. Создание современных морских карт, обеспечение кораблей и судов современными видами и средствами берегового и плавучего ограждения, снабжение кораблей и судов новейшими средствами кораблевождения и пособиями по мореплаванию — таковы задачи специальной гидрографии. Вполне понятно, что методы гидрографических работ всегда находились в прямой зависимости от общего уровня науки и техники.

Гидрография, хотя ее так раньше и не называли, стара как мир. Научившись плавать по рекам, а затем и вдоль морских побережий, люди старались отмечать места, где можно было бы укрыться от опасности, отличительные приметы, которые помогли бы найти обратный путь к родной гавани. Появились и самые примитивные чертежи. Их главным элементом стала береговая черта.

Береговая линия, а совсем не береговая черта, поправят меня читатели, справедливо подумав, что речь идет о границе на картах, отделяющей воду от суши. Может быть, так оно и правильно, но люди, создающие морские карты, упорно называют эту линию чертой, справедливо производя это слово от глагола «чертить» — границу вычерчивать.

Морские карты создают гидрографы. И для них, кроме всего прочего, граница двух

сред на карте предстает совсем не такой, как она выглядит на бумаге. В одном месте — это крутая скала из базальта или гранита, которую веками яростно бьет морской прибой или тихо ласкает плещущее море; в другом — она представляет собой галечные или дресвяные намывные пляжи, перемалываемые штормом, и после каждого шторма по-иному выглаженные; в третьем месте береговая черта — это намывная коса, или кошка, как говорят на Дальнем Востоке, отделяющаяся лагуной от матерого берега.

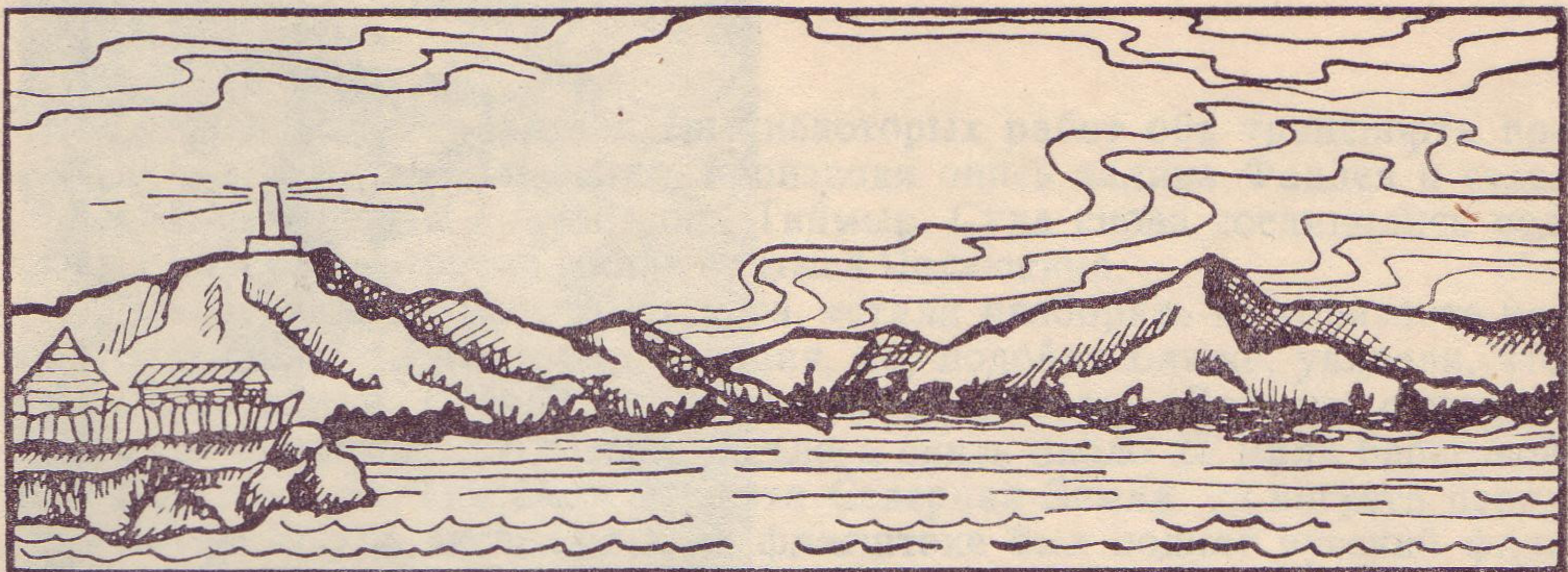
Береговую черту можно провести на бумаге по рассказам людей, знающих, как это делать. Но полная уверенность у создателя карты возникает только тогда, когда он сам хотя бы один раз пройдет по берегу или по морю вдоль берега с карандашом и бумагой в руках, а лучше с каким-либо инструментом. Таким инструментом в разное время были мерная цепь, кипрегель с мензулой, компас с пеленгатором, радиолокационные, гидроакустические и прочие радиотехнические инструменты.

О том, каким образом возникла современная береговая черта на карте северо-востока и востока нашей страны, и рассказывается в данной книге. Предваряет повествование небольшой общий очерк о развитии отечественной гидрографии. Умышленно опущена глава или раздел об источниках и историографии. Библиография, правда не полная, позволит желающим познакомиться с использованной литературой. Полная историография сама по себе заняла бы по объему такую же книгу, как «Береговая черта».

Здесь использованы те книги путешественников, исследователей Дальнего Востока, особенно северной его части, в которых говорится о гидрографических работах. Естественно, что больше всего наше внимание привлекли специальные гидрографические экспедиции, результаты которых публиковались как в отдельных изданиях, так и в периодических.

До начала XIX века их помещали в издаваемых Академией наук «Месяцесловах исторических и географических» и «Ежемесячных сочинениях и известиях» (1755—1764 гг.). В 1800 году вышла книга «Морские записки, или собрания всякого рода, касающихся до мореплавания» и две части «Собрания морских журналов» (1797—1800 гг.). Затем с 1807 по 1827 год издавались «Записки Государственного Адмиралтейского Департамента» (13 частей); с 1835 по 1837 год — «Записки Гидрографического Депо» (5 частей); с 1842 по 1852 год — «Записки Гидрографического Департамента» (10 частей). С 1848 года начал выходить и выходит до сих пор журнал «Морской сборник», где систематически помещаются статьи по гидрографии, а с 1887 года и по настоящее время издается специальный журнал «Записки по гидрографии». Организованное в 1845 году Русское Географическое общество сыграло большую роль при организации гидрографических исследований во время многочисленных экспедиций его членов. В издававшихся обществом и его отделами журналах («Известия», «Записки», «Вестник») публиковались результаты этих работ. Немалое значение имели и отдельные гидрографические работы, выполненные сотрудниками министерства государственных имуществ, министерства путей сообщения и некоторых других ведомств.

Кроме опубликованных материалов использованы документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Архива Географического общества СССР (АГО), Центрального государственного исторического архива СССР (ЦГИА), Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА), Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), а также некоторых краевых и областных архивов.



Глава одиннадцатая

БЕРЕГОВАЯ ЧЕРТА УТОЧНЕНА

Любая дальневосточная экспедиция, чем бы она ни занималась, что бы ни изучала, все равно вносила свой посильный вклад в уточнение карты Дальнего Востока, так как каждая вела съемку маршрута. А когда маршрут шел вдоль берега моря, на маршрутной карте появлялся заново снятый кусочек береговой черты.

Об экспедициях на Сахалине, организованных Геологическим комитетом¹, а также об экспедиции К. И. Богдановича и Н. В. Слюнина², уже есть публикации, поэтому остановимся на тех моментах деятельности К. И. Богдановича, которые не получили широкой известности. Несмотря на то, что целью Охотско-Камчатской горной экспедиции было изучение края в экономическом отношении, в частности изучение его золотоносности, результаты ее переросли рамки инструкции. Этому в значительной мере способствовало участие корпуса флотских штурманов штабс-капитана Николая Николаевича Лелякина, производившего астрономические, геодезические наблюдения и топографическую съемку.

Экспедиция сформировалась в Николаевске-на-Амуре и в Аяне. Богданович с супругой и Лелякин прибыли в Николаевск 1 октября 1895 года. Члены экспедиции должны были до Аяна добираться на собаках и на оленях. Поэтому до середины января 1896 года готовили корм и развозили его в те пункты, куда предполагали направиться. Но в конце концов были оформлены две партии и куплено 87 оленей, а от собак пришлось отказаться.

¹ Алексеев А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX — начало XX в.). М., 1976, с. 83—84.

² Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970, с. 279—290.

Пребывание в Николаевске прошло в непрерывных разъездах по краю¹. Лелякин с 11 по 17 октября произвел мензультную съемку левого берега Амура от Николаевска до мыса Табах, затем нивелирование мест, избранных Богдановичем под шурфы, вел многочисленные астрономические наблюдения для определения астропунктов в Николаевске. 23 ноября Богданович и Лелякин на собаках выехали вверх по Амуру на озеро Орель, производя по пути мензультную съемку, и возвратились 5 декабря. С 7 по 23 декабря подобным же образом была совершена поездка к селению Коль.

6 января 1896 года Богданович и Лелякин отправились в Чумикан, откуда намеревались сделать несколько маршрутов и затем идти в пункт сбора экспедиции, в Аян. Езда по глубокому снегу, доходившему до двух сажень, оказалась очень трудной для оленей, и путешественники пожалели, что отказались от собачьих упряжек. Вскоре пришлось надеть лыжи. Морозы стояли трескучие, временами температура доходила до 45 градусов (по Цельсию). На пути в Чумикан делали длительные стоянки на берегу озера Орель в стойбище Кульча, в урочище реки Обкаль на берегу залива св. Николая, в устье реки Джаурека и на урочище в устье реки Ал. Когда пришли 12 февраля к мысу Чумикан на устье реки Уды, то недосчитались 17 оленей.

Удской острог, располагавшийся в 90 верстах от устья, был почти покинут и заброшен, а жители обитали в поселке Чумикан. Его и избрали базой для дальнейших путешествий. Больше недели ушло на отдых и подготовку, обработку маршрутной съемки, а затем снова поездки: с 24 февраля по 4 марта — в Удской острог, с 14 марта по 1 апреля — на реку Нелькан, с 26 апреля по 25 мая — путешествие вверх по Уде до деревни Борисовки, а с 1 июня по 20 июня — плавание на шлюпке вдоль берега Охотского моря до мыса Тыльский.

Не всегда Богданович и Лелякин путешествовали вместе. Несколько раз Богданович с супругой углублялся в горы, побывав на Бурукане, Маймасыне, в отрогах Альского хребта. Во время этих разведок удалось обнаружить лишь пылевые признаки золота, но зато вполне ознакомиться с геологическим строением района. За семнадцать суток в апреле, пройдя пешком более четырехсот верст по горам, путешественники добрались до водораздела — хребта Джугджур и благополучно возвратились 1 мая в Чумикан, успев к тому же принять участие в плавании по Уде и по Охотскому морю.

25 июня караван из 80 оленей (из них 63 вьючных) с хорошими проводниками отправился из Чумикана в Аян. В пути производили топографическую съемку маршрута, вели астрономические наблюдения, наблюдения над погодой и геологические исследования на устье реки Нелуй, на реке Куруль-Урак, на реке Лантар. «Дорога, — записал Лелякин, — была очень трудная, большие заросли кедровника и разных деревьев, приходилось прочищать для оленей дорогу»². Все время шли пешком.

¹ Все маршруты, проходившие с участием Н. Н. Лелякина, излагаются по его справке, сохранившейся в ЦГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 821, л. 15—18 об.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 15 об.

В итоге путешествие затянулось, и только 27 июля прибыли в Аян. Тут Богданович и Лелякин встретили Слюнина, горного инженера С. П. Кишенского — заместителя начальника экспедиции, штейгеров, рабочих, которые ожидали их в Аяне целый месяц, прибыв сюда на транспорте «Якут» 27 июня.

До октября экспедиция оставалась в Аяне. Геологи совершали маршруты в отроги хребта. Их часто сопровождал Лелякин. Он же на основании многих наблюдений определил в Аяне астропункт. Слюнин, которому «предоставлено было право самостоятельных разъездов и отдельной зимовки, если это казалось необходимым»¹ для его специальных работ, плавал на лодке и ходил пешком вдоль и по побережью на север до залива Алдома и на юг — до реки Лантар, занимаясь географией, этнографией и наблюдениями за погодой.

В октябре экспедиция морем перебазировалась в Охотск. Отчаявшись дождаться парохода, предполагали переехать туда берегом на оленях, но не удалось собрать столько оленей — хватило их только на то, чтобы отправить имущество. А сами участники экспедиции долго сидели в Аяне и в буквальном смысле ждали у моря погоды. Никакой оказии не появлялось, и когда пришел немецкий пароход «Клара», то даже баснословная сумма — 2050 рублей, которую запросил капитан за переброску членов экспедиции с багажом в Охотск, не остановила начальника. Все плавание длилось с 7 по 10 октября.

Месяц, проведенный в окрестностях Охотска, был максимально насыщен разъездами по рекам Кухтую, Охоте, Улье, Ине. Лелякин сделал съемку берега от Охотска до Марекана. Не оправдались надежды Богдановича на удачу — признаков золота не обнаружили. В своем труде Слюнин посвятил всю вторую главу географическому очерку Охотского побережья от Удской губы до Пенжины. В ней рассмотрены вопросы общегеографические, изложена история исследования, описаны хребты, плоскогорья, реки, озера, бухты, острова, уделено внимание описанию приливо-отливных явлений, образованию баров в устьях рек и так далее. Сопоставив материалы предшественников с собственными наблюдениями, Слюнин нарисовал орографическую картину побережья Охотского моря от устья реки Уды до Охотска.

Действовавшего по особому плану Слюнина 13 октября проводили в далекий путь на собаках — на Камчатку через Гижигу, а сами пошли на юг, снова в Аян. 24 ноября добрались до Ульи, затем пошли вверх по этой реке: «обстоятельства пути, — отметил Лелякин, — очень неблагоприятные, дул сильный ветер и мороз был от 45° до 52° Ц. Снегу на реке совсем не было, так с оленями было очень трудно справляться, да и самих тоже несло по льду». И все же: «По дороге до Аяна сделана была съемка всего пути и астрономические наблюдения» на левом берегу реки Ульи у речки Малый Углекан, на реке Ниакалн, на реке Кохр, в заливе св. Феодора на мысе Мугдосин².

¹ Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900, т. I, с. VII.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 16.

Измученные и обмороженные путешественники не пришли, а приплелись 6 января 1897 года в Аян. В записях нет упоминания, как и где они встречали Новый год — об этом можно лишь догадываться. В Аяне отдыхали совсем недолго. В записке Лелякина упомянуто, что уже 9 и 14 января он производил астрономические определения, а с 7 по 24 января приводил в порядок материалы съемок, астрономических определений и свои записки.

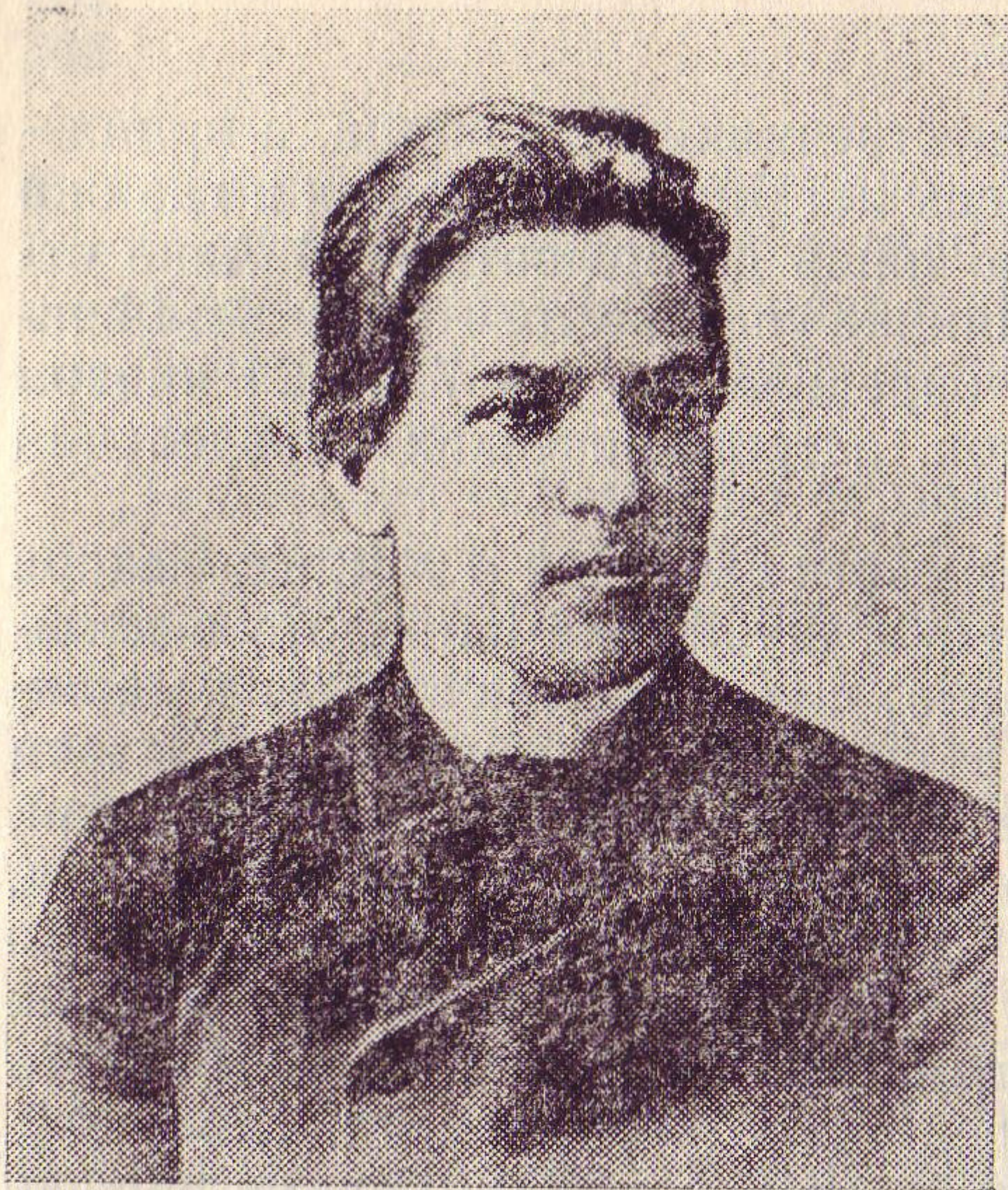
В очерке Богдановича также можно найти сведения о том, что вскоре начались экскурсии в окрестности поселка, шурфовка на золото в долине реки Лантар (с 14 февраля по 10 марта) со съемкой местности и маршрутов. Была произведена мензульная съемка Аянской бухты (с 4 марта по 10 июня) с зимним промером. Снят участок берега до реки Улькан, а также долина реки Ую и бассейн реки Алдома. Когда подошло лето, стали думать, что делать дальше, распределили обязанности. «Лично моя работа, — писал Богданович, — на этой стороне моря заканчивалась; теперь только разведочная партия должна была выяснить запасы золота на указанных ей местах... Мне же предстояло переехать на Камчатку, чтобы продолжать там геологические исследования и первые поиски золота»¹.

Для переброски экспедиции на Камчатку из Владивостока 6 июля пришел крейсер «Забияка». И тут последовало неожиданное заявление Кишенского, который должен был завершать разведочные работы в Аяне, о том, что он по семейным обстоятельствам покидает экспедицию. В связи с таким оборотом дела Богдановичу пришлось отказаться от дальнейших работ в районе Аяна, а прибывший для разведочной партии груз оставить в Аяне на попечение местных властей. После разгрузки «Забияка» пошел в Удскую губу, намереваясь побывать на Шантарских островах. Но уже в сорока милях от Аяна встретили сплошной лед. Командир крейсера не мог рисковать, и Богдановичу пришлось отказаться от работы на Шантарских островах и идти в Сигланскую бухту, где и была проведена шурфовка и выполнена мензульная съемка. 20 июля Богданович, его супруга, Лелякин и сопровождающие их казаки ступили на землю Камчатки, высадившись в устье реки Тигиль. «Забияка» сразу же ушел в Петропавловск за топливом.

Вскоре в Тигиль приехал и доктор Слюнин. Он совершил с 15 ноября 1896 года по 5 апреля 1897 года трудное путешествие по берегу Охотского моря — от Охотска до Петропавловска, делая разъезды в сторону, в глубь материка и Камчатки, переваливал трижды через Камчатский хребет. В апреле — мае Слюнин изучал рыбные промыслы в Авачинской губе, в июне перебрался в Усть-Камчатск, оттуда на долбленной лодке — бате по рекам Камчатке и Еловке доплыл до селения Еловского, на лошадах прошел через Столбовую тундру, перевалил через Камчатский хребет и из селения Седанка на пароме спустился к устью реки Тигиль.

Воспользовавшись прибытием в Тигиль парохода Русского товарищества котиковых промыслов «Котик», Богданович и Слюнин отправи-

¹ Богданович К. И. Очерки деятельности... с. 577.



К. И. Богданович

лись на нем в Гижигу для проверки привезенных Слюниным слухов о находках в тех местах якобы признаков золота и киновари. Из Гижиги они совершили несколько экскурсий по тундре, но слухи не подтвердились. На этом же пароходе ученые заходили в Пенжинскую губу для проверки известий о залежах каменного угля. Богданович отметил, что здесь действительно имеются залежи бурого угля, которые «по своей обширности и значительному числу слоев могут со временем получить значение»¹.

30 августа «Котик» возвратился к устью Тигиля. Лелякин в это время производил астрономические и магнитные наблюдения на западном берегу Камчатки, к северу от Тигиля. Вел он и глазомерную (компасную) съемку берега. В это же время тяжело заболел Слюнин, и ему пришлось на «Котике» уйти в Петропавловск. Оправившись от болезни лишь в январе 1898 года, он продолжил исследования на Камчатке: из Петропавловска через хребет пошел к Большерецку, оттуда — в село Облуковина, где присоединился к остальным участникам экспедиции. Из Облуковины, по западному берегу, Слюнин дошел до селения Явина, снова перевалил через хребет — к вершине реки Камчатки. Отсюда он возвратился в Петропавловск, а 20 мая на пароходе «Хабаровск» ушел во Владивосток. За время своих путешествий Слюнин по сухопутью прошел и проехал около 4,5 тысячи верст, морем на пароходе и шлюпках проплыл около 3,5 тысячи верст, посетил 85 селений.

Географическому описанию Камчатки Слюнин посвятил третью главу своего труда. В описании он стремился дать «по возможности полную общую картину как физической природы, так экономической, бытовой и умственно-религиозной жизни здешних инородцев»². В главе рассмот-

рены границы, история и характер исследований, геология полуострова, описаны вулканы, горячие ключи, реки и озера, бухты, острова. Поддерживая Г. Майделя в том, что Камчатские хребты ничего общего не имеют с Колымскими, Слюнин утверждает, что Камчатский хребет до Ганальской тундры идет одной цепью, а после этого места распадается на две цепи: Камчатский, или Срединный хребет, и Восточную Камчатскую цепь.

После отъезда Слюнина Богданович занялся исследованием гор, откуда стекают западные реки Камчатки, стал готовить базу для зимних разведочных работ. Путешествие его началось 4 сентября 1897 года в верховьях реки Тигиль, проходило в горах Срединного хребта и завершилось в верховьях реки Облуковины, откуда он 9 октября пришел в Тигиль.

Здесь он застал Лелякина, возвратившегося со съемки берега к северу от Тигиля до речки Мото выше Паланского озера. С установлением санного пути Лелякин начал разъезды по полуострову вместе с Богдановичем. Они осмотрели подножье и склоны вулкана Шивелуч, побывали в селении Еловка, доехали до селения Озерновского, дважды через Седанский перевал перебираясь в верховье реки Воямполки. Измученные, а с ними была и супруга Богдановича, путники 9 декабря возвратились в Тигиль. В записке Лелякина есть такие строки об этом путешествии: «На перевале с восточного берега на западный берег Камчатки на высоте 6½ тысяч фут попали в пургу, которая продолжалась пять дней. Благодаря хорошо устроенным нашим палаткам мы избежали неминуемой смерти»¹.

23 декабря они снова в пути. На сей раз Лелякин поехал в обход Камчатки, берегом моря, а Богданович с заболевшей супругой обычным путем, через перевал, с большим трудом сумел добраться до Петропавловска. Лелякин же поехал вокруг мыса Лопатка, производя, как обычно, съемку и астрономические наблюдения. До Облуковины он ехал с Богдановичами. Тут встретили 1898 год и провели совместные работы в горах, где с осени были оставлены люди для разведки на золото, сняли на карту место горячих ключей, озеро и реку Озерную. 21 февраля все возвратились в Облуковину, откуда пути Богдановичей и Лелякина разошлись.

По берегу Лелякин дошел до селения Утколокского, где его застала сильная пурга: «пришлось выбирать время, когда можно что-то видеть и только тогда можно было двигаться»². Из селения Явина он поехал на мыс Лопатка, но едва поднялся на хребет, как началась пурга. Пришлось двое суток пережидать непогоду и с мыса Камбального возвращаться в Большерецк. 4 апреля Лелякин прибыл в Петропавловск. Во время путешествия он простудился и недели две тяжело болел.

Лето 1898 года прошло в разъездах по Камчатке. Путешественники проплыли по всей реке Камчатке и от ее устья возвратились на немец-

¹ Богданович К. И. Очерки деятельности... с 579.

² Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край... с. VIII.

¹ ЦГАВМФ, ф. 404, оп 2, д. 821, л. 34 об.

² Там же, л. 35.

ком пароходе в Петропавловск, откуда на том же пароходе Лелякин отправился во Владивосток. 24 сентября 1898 года из Владивостока Лелякин уехал в Петербург. Богдановичи же сначала на казенном пароходе направились на Чукотку, в Анадырь, а уж оттуда — во Владивосток. Из Владивостока Богданович был направлен в Порт-Артур, где некоторое время вел изыскательские работы при постройке железной дороги. Экспедиция была завершена.

Исключительная по объему работ, по насыщенности научными изысканиями, она дала превосходные результаты. Основным итогом Богданович считал «открытие золотоносных пластов и определение в них содержания золота»¹. Геологический очерк Камчатки, написанный им и опубликованный в 1904 году, заложил «основу наших знаний о геологии Камчатки и вместе с тем явился первым замечательным русским исследованием действующих вулканов на нашей территории»². Поистине огромное значение для изучения Камчатки и всего Охотско-Камчатского края имело географическое описание, сделанное Н. В. Слюниным. Н. Н. Лелякин определил 38 астрономических пунктов, в 8 из которых он определил магнитное склонение по полной программе³. Постоянно велись метеорологические наблюдения. Им и Богдановичем составлено несколько карт, и среди них «Карта побережья Охотского моря между Николаевском на Амуре и Охотском» и «Карта Камчатки». Обе они составлены в проекции Гаусса в масштабе 20 верст в дюйме, основаны на 33 (первая) и 31 (вторая) астрономических пунктах. Изданы Горным департаментом в 1901 году⁴.

Несколько слов о дальнейшей жизни основных участников экспедиции (жизнь их и дальше была связана с Дальним Востоком). Н. В. Слюнин, награжденный орденом и повышенный в чине, был переведен на Балтику, но после русско-японской войны оказался снова на Дальнем Востоке. Изучая экономику края, он объехал Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, побывал в Уссурийском крае, лимане реки Амур и в ряде других мест⁵. В результате этой поездки в 1908 году была издана работа «Современное положение нашего Дальнего Востока». В ней рассматривались злободневные вопросы жизни края и делались выводы. По мнению автора, «необходима реорганизация всего, начиная с административного строя и кончая торговлей и земледельческой культурой»⁶. Умер Н. В. Слюнин в родном Белгороде в 1925 или 1926 году.

Едва закончив отчеты по проведенной экспедиции и по исследовани-

¹ Богданович К. И. Предварительный отчет о результатах поисковых и разведочных на золото работ, произведенных Охотско-Камчатской экспедицией на северо-западном берегу Охотского моря.—Горный журнал, 1899. СПб., т. III, с. 58.

² Очерки по истории геологических знаний, вып. 5. М., 1956, с. 190.

³ ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 22—22 об.

⁴ ЦГВИА, коллекция 419, № 187 и коллекция 416, № 602.

⁵ Отчет Н. В. Слюнина с фотографиями о его экспедиции в Амурский край по исследованию золота («Отчет о поездке на Зейские и Амгуньские золотые прииски» хранится в ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 798, л. 422—467).

⁶ Слюнин Н. В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908, с. 1.

ям в районе Порт-Артура, К. И. Богданович получил предложение возглавить экспедицию по изучению золотоносности Чукотки. История ее вкратце такова. Узнав об открытии золота на Клондайке, Богданович сделал вывод о возможности продолжения на Чукотке золотоносных образований северной части Аляски¹. С этой целью он уже в 1898 году предпринял поездку в Анадырь. В Петербурге Богданович детально ознакомился со всей литературой по этому вопросу, в частности, прочитал и об открытии золота на Аляске у мыса Ном.

Известный русский предприниматель В. М. Вонлярлярский сумел добиться организации экспедиции для поисков и добычи полезных ископаемых на Чукотке. Экспедицию было предложено возглавить Богдановичу. Спешка, с которой производилась подготовка экспедиции, подогревалась слухами, получившими и официальное подтверждение «о намерении сотен и тысяч американцев перейти при первой возможности Берингов пролив и приступить к поискам на нашей стороне»². Для ускорения подготовки экспедиции Вонлярлярскому пришлось воспользоваться услугами американского парохода «Самоа», который покинул Сан-Франциско 9 июня 1900 года.

В рапорте русскому послу в США А. П. Кассини 22 ноября 1900 года Богданович подробно изложил обстоятельства плавания «Самоа», во время которого американской командой и прежде всего капитаном чинились экспедиции всяческие препятствия: «Испытав уже, что с самыми безрассудными выходками кап. Янсена я не в силах бороться в Америке, я принужден был снять с «Самоа» в бухте Провидения всю экспедицию и принадлежащее ей имущество и выехал обратно в С. Франциско через Петропавловск (сначала на «Якуте») и Японию», — свидетельствовал в конце рапорта Богданович³.

Американские моряки во главе с капитаном отказались от работы именно в то время, когда нужно было переходить от поисковых работ к разведочным. «Трудно передать словами, сколько горечи, терпения и усилий воли связано было для меня с «Самоа». Какой ложью, обманом и наглостью я был окружен на нем, вместо энергии и усилий к совместной работе, которая могла бы дать при других условиях превосходные научные и практические результаты», — с горечью заметил начальник экспедиции⁴.

И тем не менее результаты экспедиции оказались полезными: «В течение времени с 25 июня по 19 августа экспедиция подробно исследовала побережье Чукотского полуострова на пространстве между бухтой Провидения и Колючинской губой в Ледовитом океане. На этом пространстве обнаружен золотоносный берег между мысами Литке и Восточным; хотя содержание золота на берегу незначительно и не превосходит 40 долей на 100 пудов, но по речкам, впадающим в море на этом пространстве, можно ожидать открытия золотоносных россыпей; расчи-

¹ Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, с. 1.

² Там же, с. 1—2.

³ АВПр, ф. «Посольство в Вашингтоне», оп. 512/1, д. 147, л. 10.

⁴ Богданович К. И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901, с. 80.

тивать на это позволяет полное тождество развитых там пород с серией золотоносных пород Нома. Часть концессии полковника Вонлярлярского от бухты Провидения до Анадырского лимана осталась вовсе неизследованной. В Мечигменской губе открыто присутствие бураго угля порядочных качеств. Нигде не было встречено следов работы американских хищников, которые до сих пор на нашем побережье не появлялись. Наше побережье усиленно посещается китобоями для менового торга на пути в Ледовитый океан и обратно и раз в лето судном, вывозящим оленей. Слухи о богатстве золотом нашего побережья произошли из рассказов китобоев и оленных пастухов, бывших на Чукотском полуострове, и поддерживаются ими по настоящее время, но фактических оснований до сих пор эти слухи не имели. Научные соображения заставляют думать, что золотоносные россыпи серьезного характера действительно могут быть здесь открыты; к сожалению, крайне неудачная организация экспедиции не позволила предпринять более продолжительные работы именно тогда, когда золотоносность части побережья была уже доказана»¹.

К сказанному самим Богдановичем можно и нужно добавить, что, произведя исследование на золотоносность в различных местах Чукотского полуострова (мыс Чаплина, бухта Провидения, Мечигменская губа, район мыса Дежнева, селение Уэлен, мыс Сердце-Камень, Колючинская губа), он доказал присутствие золота на Чукотке. Собранные по геологии материалы легли в основу изучения золотоносности Чукотки. Позднейшими исследованиями было подтверждено наличие золота на Колыме и в некоторых местах Чукотки. Богданович написал также орографический очерк Чукотки, собрал сведения по экономике и этнографии чукчей, составил карту своего маршрута, представил материалы о климате и гидрологии прибрежных мест Чукотки.

В последующие годы К. И. Богданович был профессором в Горном институте, директором Геологического комитета. В 1919 году уехал в Польшу, где стал директором Геологического учреждения, членом польской Академии наук. Скончался он 5 июня 1947 года.

Трагической оказалась судьба Н. Н. Лелякина. Из свидетельства о состоянии его здоровья, выданного 9 декабря 1902 года в Варшаве, явствует, что ему было 39 лет и что он находился в тяжелом состоянии. В архивном деле хранится также «Опись материалов, собранных капитаном Лелякиным в качестве производителя топографических работ Охотско-Камчатской горной экспедиции», но составленная уже не им².

Значение этой экспедиции состоит в том, что было научно обосновано наличие на северо-востоке Азии месторождения золота, имевшего впоследствии широкое промышленное применение. Вместе с тем участие в ней естествоиспытателя и астронома-геодезиста позволило провести широкий круг астрономических и географических исследований. Благодаря удачному распределению обязанностей и маршрутов, были изучены большие районы Охотско-Чукотско-Камчатского края, на отдельные из них (например, Камчатку) были составлены географические карты.

¹ АВПР, ф. «Посольство в Вашингтоне», оп. 512/1, д. 147, л. 9 об.—10.

² ЦГАВМФ, ф. 404, оп. 2, д. 821, л. 24—25.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	6
Глава первая. Коротко о развитии русской гидрографии	8
Глава вторая. Как рождаются легенды	17
Глава третья. О чертежах, которые сохранились	42
Глава четвертая. Окончательно: пролив	58
Глава пятая. Все в Америку	71
Глава шестая. Гидрографические исследования в экспедициях промышленников	95
Глава седьмая. Важные решения правительства	113
Глава восьмая. Кругосветные мореплаватели, офицеры и штурманы Охотской флотилии и Российско-Американской компании уточняют береговую черту	140
Глава девятая. Исследования на новом уровне	169
Глава десятая. Северный морской путь	187
Глава одиннадцатая. Береговая черта уточнена	206
Литература	231
Сокращения	239